

Дмитрий Астахов

МЕХАНИЗМ

Ублюдки тоже чьи-то дети...

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Астахов

**Механизм. Ублюдки
тоже чьи-то дети...**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Астахов Д. Н.

Механизм. Ублюдки тоже чьи-то дети... / Д. Н. Астахов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Он забыл о человечности. И в прочем благородстве отказал себе. Все это лишнее. Мешает, точно мокрые одежды. Лишь цель. Неясная. То ли желание власти, то ли богатства. Хотя и то, и другое – тусклый блеск. Но что-то же ведет его вперед. Вот уже три десятка лет ищет он беспокоящий отзвук детских своих воспоминаний. А найдет только... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Механизм.	5
Ублюдки тоже чьи-то дети...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Механизм.

Ублюдки тоже чьи-то дети...

Алтай 1995г.

«Удар!.. Еще удар!.. Искушенный усталый разум будто во сне вычленяет холодный блик. Клин силится вспороть неподатливый камень, но лишь спустя... осознание застигает лязг металла о камень. Из раза в раз глухой перезвон твердого о твердое силится догнать движенье онемелых рук. Кажется, звук поселился в головах нескончаемым ворчаньем надломленной безумьем рынды.»

– Живее черти! – раздался за спиной сиплый голос.

Мужики, в видавших лучшие дни ватниках, попеременно колотили в каменную плиту преградившую путь. Пространства, для работы в проходе хватало лишь двоим, остальные без азарта ожидали в верхнем зале преисподней, который тот же голос почему-то звал пещерой.

Жидкий свет пары аккумуляторных фонарей с трудом рассеивал тьму ставшую осязаемой от каменного крошева. Пыль казалось заменила собой воздух: забивала легкие, скрипела на зубах, липла к мокрой от пота коже. Руки то и дело тянулись утереть едкие капли, но стоило грязному рукаву коснуться лица – зрение пропадало совсем, а глаза невыносимо щипало. Задержаться в этом предбаннике ада удавалось не более пары минут, когда становилось совсем невмоготу, пересиливая страх, с бранью и тяжелым кашлем, мужики выбегали в верхний зал, на смену им тут же спускались двое других.

Больше месяца, эта сипая сволочь таскает их за собой. Нескончаемые горы сменялись бесконечной тайгой, бескрайними долинами со множеством речушек... и снова горы, седые угрюмые горы, и кажется не наступит конец этой бесноватой чехарде. Они устали. Устали от холода, сырости местного климата. Кажется, этот кусок мира напрочь забыл о существовании весны. Времени, когда кожу ласкают первые по-летнему теплые лучи, а воздух вместо стерильного запаха снега наполняет свежесть народившейся листвы.

Все они либо бездомные, либо из забытых деревушек. Еще не старые, крепкие, но никому не нужные, без семьи и родных. Кого-то он подобрал на вокзале и им попросту плевать на себя. За набитый желудок условились созерцать природу, и вместо ишаков тащить поклажу. Другие, ищущие смысл в вине. Егеря, охотники. Оставили нетопленые избы за пару бумажек юного цвета. Всего их собралось двенадцать.

Фома Егорыч, он же «Куль», как зовут его те двое с дорожными карабинами, что постоянно трутся рядом, поначалу представился своим в доску – на деле оказался человеком редкой жестокости, относился к бедолагам чуть хуже, чем к домашнему скоту.

Лишь вертолет оставил группу, первым делом он отнял патроны у бывалых, оставил им пустые плети. Все действие случилось под бдительным присмотром нарезных стволов его подручных. Но даже тогда Куль проявил себя не в полной мере, и люди в отведенный договором срок все еще ощущали себя людьми. Когда же по истечению десяти дней он не свернул домой, продолжил двигаться маршрутом бессмысленным и одному ему понятным – на привале зароптали.

Фома Егорыч устроился у огня, отрешенное лицо обратилось к затухающим всполохам, подле торчала рукоять топорика воткнутого в бревно, на котором сидел: древко инструмента часто секли застарелые ранки, грубо оставленные ножом. Шаги за спиной он услышал много раньше смущенного кашля, призванного обратить внимание. Ответить на тяжелый взгляд Фомы осмеливался редко кто, разве что Лука, да и тот не от большого ума: для этого усатого верзилы с его жестокой незамысловатостью авторитетов не имелось вовсе. Вот и сейчас за спи-

ной мялись в нерешительности два немолодых мужичка, виновато рассматривали под собой землю.

– Фома Егорыч, домой пора... Уговор... Еще давеча поворотить должны были... – мужик говорил тихо усталым голосом завсегда питейных, грязные мозолистые пальцы нервно тербли пуговицу рукава фуфайки.

Ответа не последовало. Ходоки украдкой переглянулись. Вновь заговорил тот же мужичек, глаза исподлобья уставились в плечистую спину заслонившую костер. Он будто решил, что со слухом у Фомы Егорыча совсем не хорошо – слова зазвучали громче и резче, голос зазвенел нарочитым недовольством, а ссутуленная спина распрямилась точно из-под скалки... но как ни старался бедолага казаться убедительным, за ширмой протеста основательно дребезжал мучавший его страх.

– Домой пора. Мы договаривались на восемь дней. Люди уста... – слова застряли в глотке мужичка, ощутившего на себе пронзительную пустоту немного раскосых глаз.

Фома Егорыч развернулся, недобрый взгляд вперился в две оробелые тени. Мгновение он смотрел на них словно волк на пыряющих его ягнят. Затем ловко подхваченный топорик обухом смял череп юродивому, что в безумии своем дерзнул потребовать. Нечесаная в патлах голова раскололась точно упавший на асфальт арбуз. Лицо и фуфайку второго парламентаря обрызгало бурым. Мужичек застыл будто насаженный на кол, в широко распахнутых глазах замерло непонимание: «товарищ вдруг осел на землю точно вынули все кости, по его щекам стекает что-то горячее и густое, и еще – он почему-то не может шевельнуть головой». Глаза скозились к плечу, круглые бляхи белков заполнил ужас. Краем зрения бедолага уловил металлический блеск. В скуле под виском глубоко увязло лезвие топорика. Куль подошел к какому-то чудом державшемуся на ногах мужчине, бесцеремонно дернул рукоять. Лишь когда лезвие высвободилось от плоти – кроны деревьев разорвал надсадный вопль.

– Глянь Лука. – зло прохрипел Фома подоспевшему верзиле, – Твоя работа.

Неуклюжая каланча с широченными плечами и лапищами отошального медведя перетаптывалась на месте, растерянный взгляд метался от расколотой головы без всяких сомнений трупа, к подвывающему телу, неведь как все еще остающемуся среди живых.

– Да как же... как же я? Куль? Я же ща... ты же видел... – спотыкаясь словами запротестовал верзила, длинные ручища шарахались из стороны в сторону, крупные точно набор газовых ключей пальцы тыкали то в отведенные под отхожее место кусты, то в приговоренных на земле.

– Кто?... – резко оборвал его трепыхания Фома, топорик в руке повис над мертвецом, точно готовился порубить.

Усаемая физиономия Луки склонилась над истекающей соком головой.

– Кто... Кто... – зашептали губы верзилы будто боялся забыть, что хотел от трупа. Опознание прошло безуспешно, тогда Лука поджав губы обратил свой взор на сгрудившихся у вещевых мешков остальных нечастных, – ... Серега... Акай... и этот... Вася... – Лука перебирал взглядом запуганные лица в пол голоса раздавая им имена, – Егорка! – методом исключения опознал бездыханного, поспешил о том доложить, – Егор – в голове топор. – зычно фыркнул в усы верзила.

– Ты облажался! – рыкнул на него Фома Егорыч, топорик в руке поднялся точно зеркало на длинной ручке, взгляд оливковых глаз зло ковырнул беззаботную физиономию подручного, брезгливо отвернулся к окровавленному лезвию, – Привязался к ним. – Фома Егорыч медленно точно тигр по камышам окрест привязанной к дереву козы пошел вокруг верзилы, – Спустил с поводка. – шипел точильным камнем его голос, – На день оставь убогих без страха, и у Егорки уже плечи как крылышки – в стороны. А взгляд от носков. Это уже совсем другой Егорка. Он уже думает, что что-то значит в жизни. – круг замкнулся, Фома Егорыч остановился, голодные глаза встретились с растерянным взглядом усача почти на метр обогнавшего его в росте.

– Нет Куль. Нет. Я их из ежовых не выпускаю. Завтракают и обедают у меня люлями. – широченная ладонь оправила сползшую набок вязаную шапочку, – А от ужина сами отказываются. – глупо хохотнул здоровяк, – А то что по именам всех помню... так я и лошадей тоже люблю. Ща... ща... поделят меж собой поклажу этих... – из-под усатой губы сорвался густой плевок, шлепнулся в подмороженную прелую листву рядом с корчившимся, – ...и остальные враз образумятся. Я прослежу.

Пару секунд черные колодцы глаз Фомы Егорыча дырявили глупое лицо подручного точно шило автомобильную покрывку.

– Смотри Лука что бы не вышло так, что не они... – а тебе и мне поклажу нести пришлось. – взгляд сполз к истекающему кровью бедолаге, тот каким-то вялыми бессмысленными движениями пытался заткнуть ладонью страшную рану в скуле над виском, в уже совсем негромком глухом подвывании слышалась обреченность, – Этого не трогать. – распорядился Фома, шагнул вперед будто намеревался пройти сквозь усача. Лука безропотно отпрянул.

– Как скажешь бос. – охотно согласился повеселевшим голосом верзила, взгляд с песьей преданностью засеменял вслед квадратной спине низкорослого человечка.

Мужчина умер не сразу, вернее смерти его никто не увидели вовсе. Люди покидали стоянку вереницей, понуриив головы, боязливые взгляды украдкой касались умирающего. Несчастный выпучив глаза силился куда-то ползти, деревянные пальцы судорожно грызли землю, тянули за собой безвольное тело, рот немо хлопал точно голову до шеи путал полиэтиленовый пакет, с уголка губ к истоптанной земле тянулась кровавая слизь.

Перед тем как сняться со стоянки, мужики, подгоняемые прикладами, разделили поклажу убитых. Своим же псам Фома Егорыч нарочито прилюдно велел в другой раз стрелять без предупреждения чинящих безначалие. А, чтобы совсем неповадно было предавать смерти и того, кто окажется рядом с крамольным.

Истекло два дня, и слова его не преминули опробовать себя на крепость.

Солнце уже вынырнуло большей своей частью из-за неподвижного моря деревьев, разлило по зелени крон морозной желтизной, однако в кущу меж стволов все еще стекал полумрак, воздух полнили запах гнили и прелой листвы, а зверье хоть все же много реже, но напоминало о себе из темноты тоскливыми ночными голосами.

Фома Егорыч привычно сидел у огня, краем сознания внимал мужским голосам за спиной.

Сухой мужичек с лицом морщинистым как измятая рубаха сбивчиво объяснял усатому детине чего он притопал без зайчатины и даже стреляной гильзы не притащил.

– Отец, ты не дуркуй. Что ты мне холодец в уши толкаешь. Говори куда патрон ныкнул. – тяжелый голос Луки звучал дружелюбно, однако лицо Фомы Егорыча, подсвеченное языками пламени на это дружелюбие хищно ощерилось.

– Дык скинул!.. Скинул!.. – мужичек побледнел, широко распахнутые глаза забегали по добродушной физиономии верзилы, – По привычке скинул... – голос на последнем слове предательски сорвался в сип, обветренные губы мелко задрожали, – Стрельнул... Зрение не то – мимо. Стреляю в кусты... По привычке!

– Андрюха, пощупай деда. – через плечо бросил Лука, не отпуская пожилого взглядом. Почти бесцветные, может чуточку голубоватые глаза усача с насмешкой изучали морщинистое лицо незадачливого охотника, тяжеленная ладонь любовно оправила густую шевелюру над губой.

За спиной Луки сухо хрустнули ветки, показалась тщательно выбритая голова в старых белесых шрамах, толстые губы на круглом лице растянула улыбка психопата, обнажила металлические фиксы вместо зубов. Андрюха подмигнул мужичку, пританцовывая обогнул Луку, зашел за спину дрожащего охотника. Короткий палец фиксатого лег под гарду ножа, вызуб-

ренным движением потянул лезвие из ножен. Глухой шелест стали разлился по щуплому телу мужичка сильнейшей дрожью. Пожилой охотник прижал к распахнутой на груди фуфайке старенькую двустволку, подался в сторону точно испуганная лошадка, не надеясь сбежать, но исполняя веление порванного сердца оставить, спрятаться, укрыться за любым из деревьев, пней, или поросших мхом кочек, однако здоровенная лапища Луки встала на пути шлагбаумом, бережно вернула его на место.

– Лука. Ствол проверь. И дело с концом. – не оборачиваясь распорядился Фома Егорыч.

Сиплый голос заставил фиксатого остановить нож на пол пути к глазнице бедолаги, свешившийся садизмом взгляд потускнел в тревожном ожидании, осел на лице усатого верзилы.

Лука кивнул напарнику, бесцветные глаза детины будто смотрели на все сразу.

Чисто выбритая голова Андрюхи покорно поникла, однако сидевшую в глазах лихорадку потеснила обида капризного ребенка. Он зло зыркнул на несостоявшуюся жертву, отчего та вновь дернулась в сторону, раздражено зашагал туда, откуда недавно явился. Как только Андрюха обогнул Луку, шаг его сделался легче, а воздух раскрасило тонкое посвистывание, лысый затылок фиксатого весело закачался в такт маршу Мендельсона.

Здоровенная ладонь Луки накрыла сухое плечо мужичка, другой пятерней он буквально выдрал ветхое ружьишко из трясущихся пальцев бедолаги. Двустволка согнулась в резком движении, обнажила казенную часть. Удерживая одной рукой мужичка, другой Лука поднес к лицу берданку, заглянул в стволы, понюхал, вышколенным движением он заправил оба. Латунные капсулы удивленно блеснули в жидком свете, с мягким щелчком нырнули под затвор. Со словами: «*Извини отец, дробь мелковата...*», верзила выстрелил в морщинистое лицо. Мужчина запрокинулся на спину, не проронив ни звука. Голова выглядела так будто ей уже успело поживиться зверье. Секунду Лука взирал на дело рук своих, затем точно опомнился, обернулся к остальным горемыкам сгрудившимся у своего костра, они сидели неподвижно точно идола на капище, тишину нарушало лишь потрескивание сырых сучьев в огне, в атласных от страха глазах танцевали языки пламени. Всем своим нутром люди жаждали оставаться забытыми вниманием этого огромного человека с добродушным усатым лицом.

Ближе всех к Луке оказался худой долговязый мужчина, с острыми коленями и локтями. На его лице тронутым непробудным пьянством живыми казались лишь глаза. Пока садисты мучили его немолодого собрата по несчастью, он всем своим видом старательно выказывал отсутствие какого-либо интереса к происходящему за спиной. Обернуться заставил выстрел. Мужчина неуклюже подскочил, но тут же сел обратно на корточки, обезумевший взгляд заметался по лагерю, споткнулся о распростертое тело на заиндевевшей прошлогодней листве. Пару секунд он бездумно разглядывал выеденное дробью лицо товарища, почувствовав на себе посторонний взгляд нехотя поднял глаза. В шаге от него нависала усатая физиономия. Лука подмигнул. В следующий миг над лагерем прогремел второй выстрел. Долговязый дрогнул всем своим спичечным телом, секунду с непониманием вглядывался в бесцветные глаза верзилы. Затем пальцы правой руки зашарили, точно огромное насекомое забегали по рваной, в чем-то вымокшей на животе фуфайке. Ноги мужчины подкосились, острые колени с силой ударили в истоптанную землю. Прижимая ладонью изодранную свинцом ткань, он медленно повалился набок, свернулся калачиком. Слуха оторопевших людей у костра коснулся тихий жалобный вой, сдержанный, будто не решающийся перерасти во что-то более жуткое.

Фома Егорыч интереса к происходящему не выказывал, отрешено разглядывал веселящиеся первобытным танцем языки пламени, о чем-то размышлял. Лишь через пол часа, со словами: «Ну что други, двинули...», Куль поднялся с бревна, пустой взор окинул стоянку, пал на тело с кровавым месивом вместо лица, прополз к корчащемуся у костра. Несчастный подтянул колени к груди, обнял их руками, стон теперь звучал как-то смиренно, покорно неизбежности, и совсем уж тихо, будто долговязый не желал досаждать остальным.

Несколько секунд над лагерем весело молчание.

– Ну что ж... в нашем полку убыло. – нарушил тишину сиплый голос Фомы Егорыча, – Не гоже товарищей в беде оставлять. Делите поклажу. – колючий взгляд пулеметной очередью прошел по жавшимся друг к другу теням.

Толпившиеся за костром как за последней преградой ожили, раскрашиваемые алыми языками безропотно потянулись к сваленным в кучу брезентовым мешкам.

– Что Лука? Придется сменить рацион. – проговорил Фома Егорыч без интереса наблюдая как лагерь приходит в движение, – Собери ружья.

– Опять консервы... – поморщился усатый, тихо бубня поплелся к расплзающимся точно муравьи людям.

Закончили несчастные сворачивать стоянку под раздражительные окрики детины. Измотанные, серые от грязи, с пустыми, лишённым надежд глазами, люди сгибались под тяжестью клади, под стоны раненого выстраивались неровной цепью. Немногословный напарник Луки ходил взад-вперед вдоль гигантской многоножки образованной человеческими телами, пинками и затычинами чинил порядок в веренице усталых, довольно ослабился металлическими коронками.

Один из мужиков стерпев очередной тычок стволом, тихо шикнул в зубы, взгляд без особой злобы, но с каким-то строгим интересом проводил спину фиксатого. Когда лысый затылок Андрюхи закачался в начале неровного строя, тяжелый мешок свалился с усталого плеча, рукав фуфайки решительно утер худое лицо. Сплюнув оставленную на губах грязь мужичек покинул свое место в чередке несчастных, хромя, под боязливые взгляды за спиной с какой-то проворной торопливостью подошел к потухшему кострищу, худая почти костлявая пятерка пальцев походя сгребла из остывающего очага закопченный бульжник. Еще два скупых шага, и короткое неуклюжее движение избавило корчившегося на земле от страданий.

Все произошло столь быстро и вдруг, что псы Фомы Егорыча опомнились, когда мужичек уже заполнил собой прореху в веренице горемык. Два головореза лязгая затворами зашпешили с противоположных концов живой цепи. Вокруг безумца тут же образовалась пустота, люди ломая строй попятнулись от него как от прокаженного.

Первым подбежал фиксатый. Масляно улыбаясь он направил ствол карабина бедолаге в пах, гладкие скулы на короткое мгновение тронула едва различимая дрожь, острый язык вырвался из ямины рта, жадно облизал полные губы. Лука разминутся с напарником на пару секунд. Лысая голова Андрюхи нервно дернулась на звук приближающихся шагов верзилы, блеск безумных глаз мазанул по лицу усача, тут же о нем забыл.

Лука приблизился размашистой поступью, с ходу саданул прикладом в грудь дерзкого дурня. Внутри мужичка что-то хрустнуло, соломенное вытравленное бродяжьем бытом тело кинуло по широкой дуге точно тряпичную куклу, глухо ударило спиной о землю.

– Постой... – одернул сиплый голос: тихий, но различимый вдоль всей вереницы. Для людей он стал сродни дурной приметы.

Душегубы остановились будто уперлись в невидимую стену, готовые при первом случае разорвать осквернившего показательную казнь. Все звуки будто поутихли, даже шуршания одежд и дыхание ослабли точно боялись спугнуть.

Невысокий кряжистый человек медленно прошел сквозь весь лагерь, встав на калено склонился над трупом, холодный цепкий взгляд с профессиональным интересом окинул обезображенное тело.

Мертвец застыл в позе эмбриона, череп смяло точно яичную скорлупу, нетронутой осталась лишь нижняя челюсть. Шею обрывала жуткая рана, из которой вывалился язык. Содержимое головы растеклось склизкой массой по прелой листве, в бурой лужице плавали белесые осколки кости, клочья кожи со слипшимися волосами, тошнотворного вида нити похожие на щупальца давно умершего спрута. В полуметре от тела покоился черный в нагаре кусок гранита: размером с небольшую кружку, зализанные ветром его грани красила густая кровь.

– Однако... – тихо просипел Фома Егорыч, опершись топориком в мерзлую землю поднялся с колена, ледяной взгляд перекинулся на противоположную сторону лагеря, с интересом уставился на барахтающегося в ветвях и прошлогодней листве дурня.

Мужик обхватил себя одной рукой под ребра, второй шаря вокруг, в который раз с кряхтением, под бдительным призором винтовочных прицелов силится вздеть себя на ноги. Среднего роста: скорее даже ниже, не крепыш, обросшие волосы спадают на лицо, из-под пепельных прядей блестят усталостью серые глаза.

– Лука. Сдается ты неверно разделил поклажу... Этот... – Фома Егорыч кивнул на человека чья жизнь должна была оборваться несколько секунд назад под ударами ботинок, – Вполне способен за двоих нести. Исправь.

Лука окинул взглядом строй людей, вновь сжавшийся в беспорядочный клубок.

– Ты... – обратился к ближайшему забитого вида бедолаге, ствол карабина ткнул несчастного в грудь, – Отдай ему свой рюкзак. – оружие качнулось в сторону везунчика, чудом задержавшегося на этом свете, – Шевелись! – рявкнул усатый.

Сгрудившийся строй дрогнул. Жалкий силуэт покорно пригибаясь быстро покинул скоп жавшихся друг к другу грязных призраков, с опаской озирая на головорезов скинул со спины кладь, поволок к качающемуся на слабых ногах собрату. Фиксатый не преминул возможностью – ускорил процесс пинком.

Фома Егорыч в последний раз уже с безразличием окинул взглядом сиротеющий лагерь, посмотрел на мертвеца, будто потеряв к происходящему интерес, зашагал в начало сбитой цепочки людей.

После того случая люди обратились в подобие своих теней: безмолвные, с потуплёнными взорами. Измождённые тела жаждали окончания пути, в то же время сердца сжимало страхом при одной лишь мысли о том. Каждый из несчастных чурался своих опасений, двигал их на задворки сознания, отворачивался от них. Однако как ни старались несчастные отгородить себя туманом надежд, оттуда, из его глубины, точно из-за забора грубо сколоченными плакатами разум скандировал: «Конец наступит не только для дороги!».

А через неделю, может больше (счет времени давно размыло), их жизнь сошла на финишную прямую.

Один из псов утомленный вкусом консервов решил испытать себя охотой. Вернулся он с горящими глазами, выскочил из леса у бровки лагеря громко призывая к Фоме Егорычу:

– Куль ты где? Я видел... Я его видел... Я нашел... Куль!

Тяжело дыша Лука второпях пересек истоптанную поляну, остановился перед одиноко догорающим костром, взгляд растеряно заметался по окрестностям в поиске невысокого плечистого человека. Фигуры в грязных ватниках у соседнего костра застыли точно из обожжённой глины.

– Чего шумишь? – услышал верзила за спиной сиплый голос.

От неожиданности Лука оступился, нога угодила в кострище и догорающие паленья на короткий миг пыхнули новой силой. Тишину поляны отравила негромкая ругань. Усатый верзила выскочил из ожившего огня, широченные ладони зашлись по штанине сбивая поднятые ботинком искры и пепел.

Фома Егорыч стоял в шаге от чертыхающегося, бездонные колодцы глаз выжидающе сверлили незадачливую физиономию подручного, крепкие руки по-хозяйски уперлись в бока.

– Куль я нашел! Как ты и говорил. Из белого камня. – вновь закричал Лука наконец поймав взглядом хмурое лицо напротив, нелепо ссутуленное тело быстро разогнулось, руки оставив штанину в покое ошерились пальцами будто готовился поймать мяч.

Фома Егорыч подошел к усатому вплотную, зашипел гуляя чернотой глаз по широкой как амбарная дверь груди усача.

– Заткнись... Чего разорался? – взгляд смерил подручного поперек, и вдоль, точно гробовщик клиента, – Пойдем. – подбородок качнулся к кромке леса.

Лишь зелень хвои скрыла их от посторонних глаз, Фома Егорыч резко развернулся к шагающему за ним верзиле, плотные мозолистые пальцы каким-то невероятным движением вцепились в острый кадык подручного, рывком приблизили к себе. Бесцветные зенки на усатой физиономии Луки оторопело выпучились готовые лопнуть точно икринки. Фома Егорыч заглянул в его перекошенное лицо как заглядывают в некстати опустевший портсигар, и без того зная что там ждет, но преследуемый рабской привычкой, а затем неожиданно отшвырнул задыхающегося дылду на ствол старой сосны точно тот был набит всяким тряпьем.

Дерево ударило точнехонько меж лопаток. Казалось вышибло дух даже у замершей в ветвях белки. Лука ахнул, осел, карабин свалился с плеча, бряцая покатился прочь. Пальцы Фомы Егорыча вновь сомкнулись на глотке верзилы, теперь мужчины стали одного роста.

– Говори. Только тихо. – шелест слов скорее угадывался, чем слышался.

Хватка ослабла, и Лука ощутив свободу, сполз спиной по стволу. На землю посыпались чешуйки коры обдираемые тулупом. Верзила с хрипом и свистом потянул холодный воздух, взглядом жадно цепляя выдыхаемые облачка.

– Куль... Тотем... Он там, – на сбитом дыхании заговорил Лука, тяжелая рука нетвердо протянулась к сопке чуть возвышающейся в стороне над деревьями, – Как ты и говорил... Белый. Каменный... Три грани.

– Далеко?

– Часа полтора. Вдвоем за минут сорок управимся.

– Хорошо... – задумчиво протянул Фома Егорыч, чуть запрокинул голову, взгляд задержался в кроне дерева под которым сидел Лука.

Верзила подпирая локтями липкий от смолы ствол царапая подошвами мерзлую землю вздел себя на ноги.

– Куль, ну так что? Мы нашли его? – усатое лицо понемногу оживало детским восторгом.

Опустевший взгляд Фомы Егорыча проводил то место, куда недавно тыкал палец Луки.

– Скот поднимешь... через час. – ответил не сразу, голос разгладил привычные холод и спокойствие, – Лишнего не болтай. Встанешь в голову. Поведешь без фанатизма.

Верзила часто закивал.

Фома смерил его взглядом недоверчивым, точно наперед знал шансы, что усач сделает все как надо.

– Ненужно чтобы скот раньше времени разволновался. – более не сказав ни слова отвернулся, зашагал к лагерю.

Тело горело напряжением, он едва удерживал себя от того чтобы сорваться в бег, пинками поднять на ноги отрепье, очертя голову гнать их до места где Лука видел тотем но... двадцать восемь лет!.. Двадцать восемь долгих лет он ищет проклятый камень, и уж теперь то... слабину себе дать не мог.

Он был совсем малым, когда отца задрал медведь: во дворе, средь бела дня. Мама рассказывала – зима выдалась тогда холодной. Огромный голодный зверь забрел во двор еще по темну незамеченным. Отец с утра собрался в райцентр, сдать шкурки на фабрику, прикупить продуктов. Лошадь в сани запрягали редко, оглобли и хомут почти не покидали теплой стаи. Там-то они и встретились – хозяин и человек.

Надсадный крик мамы, неистовое ржание лошади... На шум с соседних дворов заспешили люди. Мужчины вооружились рогатинами и баграми, у некоторых ружья. Заправляемые дедом они силились выдворить зверя. Хозяин же со всей своей звериной свирепостью отстаивал право на добычу. Лишь спустя какое-то время будто пресытившись надоедливостью людишек, мохнатое чудовище ринулось прочь. Из темноты на людей двинулась ощерившаяся пасть. Загромыхали выстрелы оскверняя морозный воздух запахом серы. Животное выскочило

наружу, зацепило плечом край дверного проема, окосячку выдрало вместе с посаженной на нее дверью будто ничего не весила, на снег полетела щепка. Мужчины волной отпрянули, тыча перед собой, кто вилами, кто рогатинами, а кто просто подвернувшейся под руку жердью, но ни один не кинулся прочь, и в паре метрах от чернеющего за спиной прохода медведь остановился. Огромный, в холке не ниже доброй лошади, будто выставив на обозрение желтые клыки, медведь неспешно поднялся на задние лапы, гневный взор окинул толпившихся полукругом людишек. Вновь зачихали старые двустволки – для дьявольской зверюги, что куриной дробью. Вновь воздух поплыл от яростного рева, с оскаленной пасти прыснула пена. Хозяин ударил могучими лапами в снег, рванул напролом. Люди едва успели отскочить с пути. Сжимаемые в руках остроги полетели вслед чудовищу, но и они точно заговоренные, либо прошли мимо, либо не причиняя очевидного вреда тыкали в густую шерсть, сыпали на снег точно простые палки. И только дед все ж как-то исхитрился зацепить багром мохнатый бок, выдрал клочок красной плоти. Зверь совсем по-человечески дыхнул, но скорости не сбавил. Оставив порушенный строй за спиной медведь остановился лишь у поваленного местами частокола, неуверенно чертившего деревушку по кругу. Массивные лапы заскользили по укатанному санями снегу точно колеса неуправляемого грузовика, когти абордажными крючьями вырвали из твердого наста фонтаны белого крошева. Чудовищная морда обернулась. Презрительный ненавидящий взгляд обвел нестройную щетину рогатин. В движении чудилось отягощение злобой. Усилие. Будто руша всякие инстинкты, кипевшая в огромном звере ярость нудила оставить покусившимся на его – хозяина добычу, тревожащие шорохами ночи. Медведь зло фыркнул, из ноздрей сорвались облачка горячего дыхания, отрывисто рыкнув, без спешки припустил в сторону леса, остатки частокола осыпались под могучей грудью точно порушенный пушечным ядром.

С тех пор взрослением мальчика занялся дед.

«Дух судьбы.» – говорил он, – *«Тимир.»* – да... тогда его еще так звали, – *«За твоим отцом пришла судьба.»*

Дед часто рассказывал мальчишке местные предания. Красивые, наполненные сказкой. Одно из них по-особому оставило след в памяти маленького Тимира.

«На юге, среди сопок, в глубине одной из них, есть храм – дом трех божеств. Столь древних... древней Ульгения... люди их имен давно не помнят. Хотя некоторые старики считают один из них и есть Ульгень.»

Молочные братья, каждый облечен огромной силой. Старший обращать живое в самого себя. Средний отравлять умы, неволить видением того чего на самом деле нет. Но им обоим уже скоро наскучила бы бесконечность и растворила их в себе: ведь мирозданье тогда было неизменно, и в своем постоянстве везде одинаково, лишь повторяло себя как волны великого океана.

Однако младшего брата – Ульгения, отличало умение творить. Вернее, способность творить была у всех троих братьев, и даже потом смертные могли повторить некоторые из их чудес, но лишь Ульгень мог создать новое, того чего волны великой бесконечности еще не видели: как-то огонь в нашем очаге... или во дворе колодец... – не сотвори их Ульгень, никто б не знал, что пищу можно готовить, а воду брать не только из реки... хотя и сами реки тоже сотворил Ульгень.

Но однажды, еще до рожденья нашего мира, Ульгень решил создать жуткого змея способного перерождать воды мироздания. Младшие братья испугались, что, пожелав, чудовище возвысится над ними, и даже Ульгень не совладеет с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.